

олег дроздов: ретро кончилось в 1956 году

С архитектором беседовала Ирина КОВАЛЬЧУК

Олег Дроздов, широко известный в наших творческих кругах архитектор первой столицы, лидер проектной команды АТРИУМ, всегда имеет собственную критическую точку зрения на всякое профессиональное явление.

В интервью корреспонденту А+С он излагает ряд своих взвешенных воззрений на болезненные проблемы цеха и вопрос "исторического стиля" в современной украинской практике.

Modern Kharkov architect Oleg Drozdov shares impressions about a modern condition of designing in so-called "historical styles"

сталинской архитектуры, надо быть человеком колоссальных знаний. Я еще не встречал ни одного такого. Честно говоря, не знаю ни одной цивилизованной страны, где возникали бы подделки. Например, в Германии многие старинные города были разрушены, и удалось восстановить очень многое. При этом у архитекторов было такое почтение к традиции, что они не посмели повторять полностью утраченные витражи. Это было бы кощунством. Они делали современные витражи. Память и сохранившиеся изображения важнее. То, что осталось в чертежах, такое же искусство, как утраченная картина. Это как под да Винчи писать, условно говоря.

А+С: Однако среди "подделок" встречаются явные удачи!

О. Д.: Тема подделок меня не интересует абсолютно. Это, может быть, хорошая шутка — сесть в подделанный кабриолет 1916 года, одеться в платье с тремя юбками и проехать по городу. Но, во-первых, подделать кабриолет — большое искусство, как, впрочем, и сшить платье, адекватное именно этой эпохе, да и носить его надо уметь.

А иначе получится как в американских фильмах: весь реквизит из разных времен. Специалист-историк, когда смотрит американское кино, впадает в шок. Нужно быть очень хорошим актером, чтобы сыграть средневекового или хотя бы человека XIX века, даже начала XX. Нужно жить в книгах этой эпохи, обращаться друг к другу соответствующим образом, одеваться, неторопливо обедать...

А+С: Есть позиция заказчика: "сделайте мне в таком-то стиле!" И архитектор вынужден

"гелать в стиле".

О. Д.: На мой взгляд, такое обоюдное желание — это проституция, и к профессии не имеет никакого отношения.

А+С: Как вы решаете подобные проблемы?

О. Д.: Нет такой проблемы.

У кого-то она есть, а у меня нет.

А+С: Как вам это угадется! Кто ваш заказчик?

О. Д.: К нам не приходит заказчик, который говорит: "Стройте!" К нам приходят, я думаю, за определенной культурой. Наш заказчик просто рассказывает о себе: как он живет, как собирается жить, к чему готов...

Мы обсуждаем среду его обитания, а не стиль. Помогаем формулировать пожелания.

А+С: Берете на себя просветительскую миссию?

О. Д.: Пожалуй. Как любой врач, который больному рассказывает, что нужно меньше курить, бегать по утрам и чистить зубы после еды. С заказчиком нужно общаться, понимать его, помогать ему создать удобную среду — для него самого или его бизнеса.

А+С: И как, просвещаются?

О. Д.: Ну, а куда деваться?

А+С: А как быть с церковным зодчеством? Ведь в храме априори присутствует "история".

О. Д.: С храмовым строительством у нас полная беда. Часто храмы возникают как отчисления от объектов. Там, где явно нет прихода и нет прихожан. Это решается на уровне политиков и церковных иерархов. Но кто пойдет к такую церковь!

Раньше храм возникал, прежде всего, стараниями прихожан. Сначала мог быть простой дом с двускатной кровлей, ну, главка с крестиком его украшала.

А+С: Как вы оцениваете популярную сегодня в Украине практику проектирования в т. наз. "историческом стиле"?

Олег ДРОЗДОВ: Нет такой архитектуры. Это мутации, подделки, которые никакого отношения к традиции не имеют. Кроме внешних атрибутов. Я считаю неуважением к традиции, когда недоучившись, недопоняв, пытаются под нее подделываться.

А+С: Киевский Владимирский собор XIX века в византийском стиле, костел Городецкого в готическом, харьковская синаго-

га начала XX века — тоже не архитектура?

О. Д.: Я говорю не о XIX и даже не о начале XX века. Все закончилось в 1956 году. До этого в нашей стране были люди, которые понимали, что такое ордерная система, что такое пропорция и т. д. Все это утрачено. Нет никого, кто мог бы внятно нарисовать здание, похожее на классическое, "традиционное", которое хоть куда-то отсылало бы.

Для того, чтобы приблизиться к образцам эпохи модерна, барокко, классицизма, ар-деко, ар-нуво,

Памятник харьковской архитектуры начала XX века, в котором уютно расположилось бюро АТРИУМ

Потом собирали средства всем миром, пожертвования. И строили во имя Божье. Сегодня церкви, как типовые, плодятся там, где, возможно, они никому не нужны. Должна же быть какая-то история перед их строительством!

А+С: Какое архитектурное решение уместно по отношению к восстанавливаемым храмам? Когда есть и приход, и традиция отправления службы Божьей.

О. Д.: Если говорить о клерикальной типологии, это наука специальная, и боюсь, я в ней не много понимаю. Но на мой вкус, 95% того, что построено, нигде не гонится.

А+С: Что вы относите к исключениям?

О. Д.: Я видел реализации, которые очень тактичны, разумны по отношению и к традиции, и к современности. Например, церковь Рождества Христова в Харькове по проекту Виктора Можейко. Она безупречна, прежде всего, с точки зрения градостроительного решения, хорошо воспринимается с трех важных осей — на нее замыкаются большие улицы. Она находится рядом с дачно-парковой зоной. В этой ситуации детали уже не так важны. Главное — она доминанта. Не то что в Киеве на Харьковском массиве. Там стоят часовни перед шестнадцатизэтажками. Хотя и в Киеве есть удачные примеры.

А+С: Тем не менее, "проектирование в стилях" существует, но традиция и мастерство волнуют не всех...

О. Д.: Существует все что угодно: взяточничество, преступность, проблема СПИДа. При чем здесь мы? Серьезнее нужно относиться к традиции. Все, что нам досталось от прошлых эпох — до

последнего нюанса, ручки, настоящего цвета дома, — нужно сохранять, за это нужно сражаться. Нужны специальные законы. Это относится и к архитектуре 1960-х, и даже 70-х. Это тоже уже традиция, и ее точно так же нужно поддерживать. Это наша история. В Киеве много великолепных образцов архитектуры 70-х, 80-х. Это потом, позже ее не стало — в 90-х. А до этого она была, и с ней нужно работать: вставлять новое содержание, оставляя все ценности, которые в ней были, реставрировать, реконструировать. Она может как-то интегрироваться в современное пространство — тем живее будет. Чрезвычайно важно для сохранения традиции формирование квартальной застройки. Все наши крупные города именно таким образом строились. Важно не капительски рисовать на 28-м этаже, а оставаться в рамках квартала 6-этажной застройки. И дело не в балюстрадах, а в пропорциях и ритмических рядах. Если в среднем вся ритмика улицы 25–30 метров, то дом высотой в 60 м, наверное, разрывает этот квартал.

А+С: В чем вы видите главное различие в работе с архитектурной традицией архитектора и сценографа?

О. Д.: Декорация живет по другим принципам. Она должна быть и жить в кадре. Но не должна работать. То, что мы видим сквозь объектив, и то, что реально проживаем, — разные вещи. Для кино миллионы декораций строились. У французов и англичан это получается. Кроме того, натура, на которой снимают, сохранилась. Есть места, где можно не подделывать атмосферу — она живая. А в американском кино я вообще

не видел того, во что бы поверил. Даже у бывшего австро-венгра, чеха Формана, ужас какой-то: в "Амагеусе" театр просто в дискотеку превратился. Я так понимаю, что он просто не смог аутентичные вещи создать. Я был и в Праге, и в Зальцбурге: надо же было сделать так, чтобы в фильме вся обстановка была явно ненатуральной. Но так нужно американскому зрителю, для него это не важно.

Кстати, историческая среда хорошо получалась у советских художников-постановщиков, когда работала сотня консультантов, историков, этнографов, делавших картину. Наверное, все-таки остались спецы, понимающие не только в декоре, но и то, как конструктивно здание было построено. Репринт — это не вновь созданное здание, но и не подделка. Оно реально существовало и воссоздано по чертежам.

А+С: Что это за историческое здание, в котором расположена ваша мастерская?

О. Д.: Это личный дом великого харьковского архитектора Величко.

А+С: Вы его отреставрировали?

О. Д.: Интерьер. Очень тщательно: окна, фурнитура, двери — все подлинное. Отмыли гипсовую лепнину, утраченные фрагменты восстановили. Вот на такой дом как наш, если бы он был совсем утрачен, и у меня не было других занятий, я бы потратил лет пять. Только на то, чтобы тщательно все изучить, понять, как он был построен. Какими были чертежи, как балки были сделаны... Изучить традицию и понять, почему, допустим, здесь паркет, а там сосновые полы? Потому что здесь были двери, за которыми жила прислуга, и хозяйва туда не

входили. Здесь сотни составляющих. Хотя что-то пришлось бы додумывать все равно. Есть множество нюансов, которые дают ощущение настоящего.

А+С: И "подделка" этого ощущения не дает, да?

О. Д.: Я, честно говоря, не встречал. Как правило, над подделками гоним еще квадратные метры и тогда даже добавляют пару этажей... Вещь как бы и настоящая, но к ней "подделаны" пару этажей — это вообще кощунство...

А+С: И профессионал не должен браться за такую работу, невзирая на квадратные метры?

О. Д.: Это полное отсутствие культуры.

А+С: И вы бы на такое никогда не пошли?

О. Д.: Нет.

Рождества Христова Свято-Сергиевский храм в Харькове
(проект: Архитектурная мастерская Виктора Можейко)